

27 ноября 1998 года, пятница

Их лица словно размыло дождем. Жеральдина различала лишь силуэты вдоль дороги. Их было много под взбесившимся небом, друзей и совершенно незнакомых людей. Невзирая на холод, они махали, провожая неспешно ползущую вереницу черных микроавтобусов.

Мама и Камилла молчали, прижавшись друг к другу, побежденные усталостью. Другие пассажиры смотрели в пустоту. Жеральдине казалось, что она одна чудом выжила после нашествия зомби. Через неделю ей исполнится четырнадцать, пальто стало тесновато и коротко: за последнее время она выросла на восемь сантиметров. Папа бы оценил.

Она не могла плакать. Не могла с самого начала, когда по радио сообщили о катастрофе, когда к ним домой явились чиновники. Еще одно усилие — и она сбросит свою слабость, как старое пальто.

В зеркале заднего вида она встретилась взглядом с человеком, которому поручили вести автобус, и прочитала его мысли. *Я тоже работаю в "Аэро-ликсе". Мне повезло не оказаться в неподходящем месте в неподходящее время. Моеи семье не пришлось все это пережить.*

“Аэроликс”. Предприятие, которое кормит целий регион.

И убивает. Как на этот раз.

Впереди ехали жандармы. Как при такой малой скорости у них не заваливаются мотоциклы? Да еще на дороге, превратившейся в реку?

Прибытие на аэродром. Мотоциклисты встали. Водители припарковали микроавтобусы. Родственники раскрыли зонты, выстроились вереницей.

— Какой холод! — проговорила Жеральдина, обращаясь к сестре.

Камилла не ответила, только еще крепче обняла мать. Вид у обеих был потерянный, из приоткрытых губ вырывались облачка пара. Жеральдина посмогрела на транспортный самолет, по которому хлестали струи дождя. Должно быть, на нем доставили тела из Дамаска.

За металлическим ограждением толклись журналисты. Висели микрофоны на длинных шестах, такие странные. Они словно пытались поймать на крючок стоны и рыдания. Напрасно. Толпа быстро скрылась в ангаре.

Родственники остановились в смятении, увидев гробы.

Торжественное построение. Флаг на каждом гробу. И кучка замерзших, переминающихся с ноги на ногу людей. Персонал “Аэроликса”, медики, военные. Официальные лица.

Раздался вдовий вопль, и поток вырвался на волю. Родственники зарыдали. Мама и Камилла тоже. Жеральдина до крови закусила палец, чтобы

шлюзы наконец открылись. Все напрасно. Как назло, еще пальто сдавило грудь — не вздохнуть.

Кто-то сделал было шаг из толпы, чтобы выступить в роли проводника, но нет, не нужно, родственники должны сами найти своих, и Жеральдина первая двинулась вперед. К гробам были прикреплены медные таблички. Ни одного незнакомого имени. Она не сразу нашла то, которое искала.

Папа лежал там, в гробу, под трехцветным флагом. Нужно смириться с этой мыслью прямо сейчас, немедленно. Смириться, иначе будет поздно. И придется провести всю жизнь в параллельном мире. Как зомби, между двумя мирами.

Синий — боль. Белый — смерть. Красный — кровь. Вроде детской считалочки, а звучит паршиво. Вот он, папа, и надо с ним поговорить, понятно, он ее не услышит, с самого начала понятно, как понятно и то, что поговорить с ним — единственный способ удержаться здесь и не уплыть в тот мир, откуда нет возврата.

Ты воспитал в нас уважение к вере других людей и убежденность в том, что смерть — это последние врата. “Убежденность” — да, ты произносил именно это слово. Где ты теперь? Эй, ответь мне. Не могу поверить, что все кончено. Ты меня слышишь?

Военный музыкант заиграл на трубе. А Жеральдина — вот незадача! — едва удержалась от смеха. Тем временем толпа превратилась в единое существо, издававшее едва слышное бормотание. Причиной тому был мужчина с худым благородным лицом. Поль Борель. Президент Республики.

Я его видела только по телевизору. Ты ведь тоже, пана?

Низенький очкарик в большом зеленом шарфе, с мокрой от дождя физиономией, постучал ладонью по микрофону. Его шарф был размером с плед: вот хитрюга, знает, как не замерзнуть без пальто. Он подал главе государства какой-то документ и отступил, скрывшись в его тени. Борель набрал в грудь воздуха, словно собрался бежать стометровку, и начал говорить. Его голос перекрывал барабанную дробь дождя. Борель напоминал Юпитера. Жеральдина представила себе, как он потрясает двумя молниями, зажатыми в правой руке. Белыми мерцающими молниями.

Борель, отец нации.

А ты был... нет, ты по-прежнему мой отец и отец Камиллы. И муж Сандры. Как хочется в последний раз услышать твой голос! Эй, ты меня слышишь?

— Это одно из самых кровавых покушений на жизнь наших соотечественников за последние годы. Ужасное преступление, которое не останется безнаказанным. Я обещаю вам: виновные будут арестованы, переданы в руки правосудия и должным образом наказаны. Терроризм — бич нашего времени, с ним нужно бороться решительно и упорно. Правительство и я сам готовы вести этот бой. Мы никогда не забудем тех, кто ушел от вас — кто ушел от нас...

Как он чудесно убаюкивает, этот магический голос. Голос верховного божества. Неудивительно,

что Борель — первый из первых. Жеральдина вспомнила великих людей из учебников истории. Они родились с волшебным даром обольщения, так почему бы этим не воспользоваться?

Когда речь закончилась, подошел офицер, чтобы помочь президенту во время церемонии вручения наград. В программе — ордена Почетного легиона посмертно. Помощник держал большой пакет с кучей маленьких бумажек — шпаргалок, чтобы не запутаться в именах погибших. Именах восемнадцати инженеров и техников, отдавших жизнь за Францию.

Папа, ты же самый скромный человек на свете. Этот хренов Почетный легион, разве он в твоем стиле? Ну, серьезно!

По десять секунд на каждую семью. Президент быстро продвигался по списку. Элегантный, как аристократ, приветливый, он пожимал руки. Помощник запустил руку в пакет, вытащил бумажку с папиным именем.

Момент настал.

Момент, о котором, может быть, придется сожалеть всю жизнь. Пора выбросить в помойку старое пальто — свою слабость. Время пришло.

— Нет, спасибо, господин президент...

— Что, мадемуазель?..

— Папе не нужна ваша медаль!

Мама и Камилла обернулись. Ее крик их словно расколдовал. Жеральдина положила руку на плечо матери. Боковым зрением заметила: все задергались, наверное, Юпитер с помощником собрались

дать деру. Жеральдина улыбнулась. И расплакалась. Мама с Камиллой тоже.

Они что-то говорили друг другу, толком не слыша, потому что дождь, яростный, сильный, неугомонный, стучал по железной крыше. Этот грохот — добрая весть. Он означает, что дождь — на их стороне, сейчас и до конца. Это придавало сил.

Посмотри на меня, папа. Вот ты удивишься!